

На правах рукописи

КОРОТКОВА Александра Владимировна

**КАТЕГОРИЯ ПОСЕССИВНОСТИ
И ЕЕ РЕАЛИЗАЦИЯ
В СЛОЖНОМ СИНТАКСИЧЕСКОМ ЦЕЛОМ**

10.02.01 – Русский язык

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Ставрополь
2011

Работа выполнена в ГОУ ВПО
«Ставропольский государственный университет»

Научный руководитель кандидат филологических наук доцент
Лаврик Эльвира Петровна
ГОУ ВПО «Ставропольский государственный университет»

Официальные оппоненты доктор филологических наук профессор
Малашенко Валентин Прокофьевич
ФГАОУ ВПО «Южный федеральный университет»

доктор филологических наук профессор
Буянова Людмила Юрьевна
ГОУ ВПО «Кубанский государственный университет»

Ведущая организация **ГОУ ВПО «Астраханский
государственный университет»**

Защита диссертации состоится 29 сентября 2011 года в 10 часов на заседании диссертационного совета ДМ 212.256.02 при ГОУ ВПО «Ставропольский государственный университет» по адресу: 355009, Россия, г. Ставрополь, ул. Пушкина, 1а, аудитория 416.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке ГОУ ВПО «Ставропольский государственный университет» по адресу: 355009, Россия, г. Ставрополь, ул. Держинского, 120.

Автореферат разослан «26» августа 2011 г.

Ученый секретарь диссертационного совета
доктор филологических наук, профессор

А.А. Фокин

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность исследования. Одним из важных направлений современной лингвистической науки является системное исследование выражения семантических категорий на различных уровнях и подуровнях языка. Выбирая для изучения категорию посессивности, мы руководствовались ее важностью для понимания природы человеческого сознания и общества, а также неоднозначностью представления в научной литературе.

Посессивные отношения пронизывают повседневную жизнь человека. Широкий круг вопросов о принадлежности предметов и материальных средств лицу, лица – определенному сообществу, творения – его создателю и т.п., а также восприятие человека через призму того, что он имеет, говорят об универсальности отношений обладания/принадлежности и их социальной значимости.

К изучению посессивной сферы в лингвистике применяются различные подходы – лингвокультурологический (И.Р. Куралева, Н.Н. Левина, М.В. Милованова, Е.Ф. Нечаева), когнитивный (И. Бэрн Х. Зайлер, Р. Лангакер, Б. Хайне, М. Херсланд), функционально-коммуникативный (А.В. Бондарко, М.В. Всеволодова, И.Б. Долинина, А. Мустайоки, Е.В. Рахилина, К.Г. Чинчлей), семантический (Н.Д. Арутюнова, Е.В. Падучева) и др. Каждое из направлений рассматривает посессивность в рамках собственной системы координат и уделяет внимание отдельным релевантным для этой системы сторонам ее реализации. Такое многообразие подходов создает калейдоскопический образ категории посессивности, что не способствует формированию единого ее понимания в научной литературе. Общепризнанного представления о системе средств выражения посессивного значения в русском языке также не сложилось. Поэтому необходимость всестороннего комплексного изучения средств и способов выражения посессивных отношений на всех участках языковой системы предопределяет актуальность исследования.

Научная новизна работы заключается в том, что впервые предпринимается попытка изучения категории посессивности с точки зрения ее реализации в сложном синтаксическом целом. Исследованию синтаксических средств выражения категории посес-

сивности уделяется большое внимание (см. работы А.В. Бондарко, И.Б. Долининой, Н.В. Друзиной, В.Ю. Копрова, Е.В. Рахилиной, О.Н. Селиверстовой, К.Г. Чинчлей и др.), до настоящего времени конструкции посессивной семантики, большие, чем предложение, не получили системного описания.

Объектом исследования является ССЦ как речевая реализация семантической (понятийной) категории посессивности. **Предмет** изучения – структурно-семантические и функциональные особенности ССЦ, выражающих посессивную семантику.

Материалом для исследования послужили тексты русской художественной литературы, научных изданий, газетных и журнальных публикаций XX–XXI вв. Привлекались также ресурсы Национального корпуса русского языка и корпуса газетных текстов русского языка конца XX в.

Цель диссертации заключается в выявлении структурных и содержательных аспектов реализации категории посессивности в масштабах сложного синтаксического целого.

В соответствии с поставленной целью решаются следующие конкретные **задачи**:

- определить элементы различных уровней языковой системы, способные передавать посессивную семантику;
- описать особенности композиционного строения посессивных ССЦ;
- определить наиболее характерные для посессивных ССЦ типы связей между предложениями;
- установить онтологическую природу категориальных ситуаций, организующих языковые единицы в посессивные ССЦ;
- определить основные семантические группы посессивных ситуаций, реализующихся в ССЦ;
- выявить главные средства обеспечения тематической цельности и структурной связности посессивных ССЦ.

Методы и приемы исследования обусловлены спецификой объекта, языкового материала и соотносятся с его целью и задачами. В работе применялся ряд традиционных лингвистических методов: наблюдения, интроспекции, сравнительно-сопостави-

тельного анализа, моделирования, а также приемы трансформационного и контекстологического анализа.

Методологическую основу диссертационного исследования составило представление о языке как разноуровневой системе, элементы которой взаимосвязаны. Под элементами подразумеваются как отдельные единицы, так и конструкции. Последние могут претерпевать упрощение или усложнение, выражая при этом сходные значения на различных ярусах синтаксиса (теория изофункциональности в работах Ю.Ю. Леденева, С.О. Карцевского). Вслед за А.В. Бондарко, М.В. Всеволодовой мы дифференцируем понятия семантической (понятийной) категории, категориальной ситуации, конкретного смысла, реализуемого в тексте, значения языкового элемента и оперируем в своем исследовании этими и другими понятиями функционально-коммуникативного синтаксиса. Поскольку сложное синтаксическое целое входит в сферу изучения лингвистики текста, в вопросах делимитации интересующей нас единицы, ее композиционно-структурного устройства и т.п. мы опираемся на работы Н.С. Валгиной, И.Р. Гальперина, М.Я. Дымарского, О.И. Москальской и Г.Я. Солганика. Сложившаяся в работе трактовка сферы посессивного значения основывается на изложенных в трудах А.В. Бондарко, И.Б. Долининой, Е.В. Рахилиной, О.Н. Селиверстовой, К.Г. Чинчлей концепциях данной категории, хотя и не совпадает полностью ни с одной из них.

Гипотеза исследования. В русском языке функционируют посессивные сложные синтаксические целые – речевые единицы, в которых посессивная категориальная ситуация организуется при помощи элементов различных уровней языковой системы, способных передавать посессивную семантику. Структурные и содержательные особенности посессивных ССЦ имеют системный характер и могут служить основанием для классификации таких единиц.

Теоретическая значимость работы состоит в том, что она выводит исследование языкового воплощения категории посессивности на сверхпредложенческий уровень. В ней представлена модель теоретического описания реализации категории на высших уровнях синтаксиса, экстраполяция которой возможна в отношении других универсальных категорий.

Представленное в работе описание многоуровневой системы средств выражения посессивной семантики в русском языке создает основу для научных изысканий в этой области.

Практическая значимость заключается в возможности использования материалов и выводов исследования в практике вузовского преподавания курсов современного русского языка, теории языка, спецкурсов и спецсеминаров по функциональной грамматике, анализу художественного текста и проблемам посессивности.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Семантическая категория посессивности характеризуется способностью к реализации в масштабах сложного синтаксического целого. Чтобы классифицировать ССЦ как посессивное, недостаточно просто наличия в нем языковых средств искомой семантики – последние должны быть организованы вокруг единой посессивной категориальной ситуации.

2. С точки зрения онтологической природы представляемой ситуации среди посессивных ССЦ выделяются четыре подвида: денотативно-посессивные (имеют посессивную природу на денотативном уровне, т.е. являются репрезентацией посессивного события, имевшего места в реальной или виртуальной действительности); сигнификативно-посессивные (интерпретируются как посессивные благодаря избранным языковым средствам, однако описывают непосессивное событие); презумптивно-посессивные (актуализируются в ССЦ в виде небольшого фрагмента, играют важную роль для корректного понимания всего ССЦ, основываются на прагматической или контекстуальной презумпции); комитативно-посессивные (выполняют сопроводительную роль для главной ситуации, целиком пронизывают ССЦ, основываются на фоновых знаниях участников коммуникации об описываемом фрагменте действительности, включающем посессивный компонент).

3. Единицей фонового знания ССЦ является знание о событии. Посессивное ССЦ может описывать посессивное событие объективно или отражать субъективное мнение, суждение, сообщение о нем.

4. Ведущую роль в организации тематической целостности посессивных ССЦ играют посессивные предикаты.

5. В полифоничных ССЦ каждый посессивно-положительный голос выполняет как минимум одну из следующих функций: интродукция посессивной ситуации, интродукция участников посессивной ситуации, кондукция посессивной ситуации. В монофоничных ССЦ все эти функции выполняет один голос.

6. На основании структурно-семантических признаков посессивные ССЦ подразделяются по степени аутентичности. К таким признакам относятся онтологическая природа посессивной ситуации, посессивный/непосессивный статус композиционных элементов ССЦ, объективность/субъективность репрезентации фонового события.

7. В посессивных ССЦ регулярно находят выражение определенные семантические группы посессивных ситуации: купля / продажа; дарение / получение в дар; получение / оставление наследства; выигрыш / проигрыш; получение / отправка; приобретение / утрата в результате правомерного действия; приобретение / утрата в результате неправомерного действия; хранение / избавление; аренда / сдача в наем; потребление / отторжение; получение / дача в долг, кредит; собственно обладание / принадлежность; принадлежность к некоей общности; авторская принадлежность.

Апробация работы. Основные положения диссертации были представлены на научно-методической конференции преподавателей и студентов «Университетская наука – региону» (Ставрополь, 2007, 2008, 2009, 2010, 2011), Всероссийской конференции молодых ученых, посвященной 90-летию гуманитарного образования в Саратовском университете (Саратов, 2007), Всероссийской научно-практической Интернет-конференции «Системные отношения в языке» (Ставрополь, 2007), V Всероссийской научно-практической конференции «Система ценностей современного общества» (Новосибирск, 2009), XIII Всероссийской научно-практической конференции молодых ученых (Москва, 2011), Международном симпозиуме «Новые направления в изучении лексикологии, словообразования и грамматики начала XXI века» (Самара, 2009), Международной (российско-болгарской) Интернет-конференции «Славянская филология: инновации и традиции» (Ставрополь, София, 2009), Международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов» (Москва, 2008, 2010), IV Международ-

ном конгрессе исследователей русского языка «Русский язык: исторические судьбы и современность» (Москва, 2010). Кроме того, опубликованы статьи в журналах «Acta Linguistica» (София, 2008), «Вестник Ставропольского государственного университета» (Ставрополь, 2010), «Вестник Волгоградского государственного университета» (Волгоград, 2010). Всего по теме диссертационного исследования опубликовано 18 работ, в т.ч. 2 – в изданиях, рекомендованных ВАК.

Структура и объем работы. Диссертация состоит из Введения, трех глав, Заключения, Библиографического списка и Списка источников. Общий объем работы – 201 страница машинописного текста, в том числе список использованной литературы (216 наименований).

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обосновывается актуальность темы исследования, определяются объект и предмет научного поиска, выдвигается гипотеза, формулируются цель, задачи исследования, положения, выносимые на защиту, раскрывается научная новизна, теоретическая и практическая значимость работы, характеризуется методологическая база исследования.

В первой главе «**Теоретические основы изучения посессивных ССЦ**» излагаются основные теоретические положения, ставшие отправной точкой при исследовании посессивной семантики и ССЦ как единицы речи.

Посессивность относится к числу древнейших известных категорий. На определенном этапе развития человеческое мышление выделило ее как объективную и всеобщую. Жизнь современной цивилизации по-прежнему пронизана посессивными отношениями, которые не ограничиваются исключительно имущественными, но также охватывают социальные связи, включение части в состав целого и пр. Этим определяется привлекательность категории для исследователей-философов, логиков, социологов, лингвистов, юристов и др. Различные отрасли лингвистической науки занимались изучением всевозможных аспектов посессивности. Так, в лингвокультурологии рассмотрено языковой

картины мира через призму посессивных отношений выявляет новые характеристики отдельных национальных картин, помогает глубже проникнуть в специфику национального сознания. Систематизация таких сведений дает представление о значимости рассматриваемого типа отношений для человеческого сознания в целом. Создаются различные когнитивные модели, описывающие концептосферу посессивности, в которых вариативные оттенки посессивного значения организованы в виде фрейма, набора схем и др. Для лингвистического сравнения и типологии интерес представляют реализации посессивной семантики средствами различных языков. Сторонники полевого подхода склонны соотносить языковые средства с ядром или периферией исследуемого значения и выявлять соответствующие градации. Соотнесенность субъектов и объектов посессивной модели с внешним миром изучается с точки зрения теории референции. Функциональная нагрузка посессивных языковых элементов и конструкций также изучается в рамках отдельного направления.

Придерживаясь широкого понимания посессивности и определяя ее как понятийную (семантическую) категорию, имеющую специфические реализации в различных языках, мы исходим из убеждения, что категория посессивности включает в себя две разновидности семантики – обладательно-принадлежностную и партитивную. Для первого типа релевантным является интерпретационный компонент, позволяющий при одинаковом наборе участников в зависимости от точки зрения рассматривать ситуацию как обладание или как принадлежность. Отторжимость объекта обладательно-принадлежностного отношения обуславливает возможность смены статичного посессивного действия динамичным. Для партитивной семантики характерна однозначная трактовка, не допускающая интерпретаций. Ей также свойственна неотторжимость объекта посессии.

Посессивное значение, отношение реализуется на различных уровнях языковой системы: морфемно-морфологическом, лексико-семантическом, синтаксическом. Каждый из них располагает специфическим набором репрезентантов. Система иерархична, поэтому элементы низших уровней неизменно взаимодействуют между собой и, объединяясь, реализуются в конструкциях высшего (синтаксического).

Синтаксический уровень членится на ярусы, и единица одного из них является инвариантом по отношению к остальным. Инвариантной посессивной синтаксической конструкцией является простое неосложненное предложение, так как в нем в полной мере выражается ситуация посессивности и наличествуют все необходимые компоненты. Статическая и динамическая посессивность имеют различные инварианты.

Первый инвариант включает субъект посессии, посессивный предикат и объект посессии:

У Вани есть дом.
 ↓ ↓ ↓
 посессор предикат объект посессии

В студенческие годы у нее было одно платье. (В. Токарева. Своя правда)

Второй – два субъекта, предикат и объект:

Ваня продал дом Ане.
 ↓ ↓ ↓ ↓
 посессор 1 предикат объект посессии посессор 2

Вот он и продал вам свои заготовки! (Ю. Домбровский. Факультет ненужных вещей)

При относительном постоянстве плана содержания, план выражения может претерпевать усложнение (в осложненном простом, сложносочиненном, сложноподчиненном, сложном бессоюзном предложении) или упрощение (в словосочетании) в зависимости от параметров коммуникативной ситуации и лингвистической компетенции участников коммуникации. Оба типа посессивных инвариантов способны выстраивать подобные изофункциональные ряды.

Построение изофункциональных рядов посессивных синтаксических конструкций выводит исследование из области описания элементов языковой системы в область реализации языковых потенций. Это позволяет включить в сферу рассмотрения такие речевые единицы, как сложное синтаксическое целое и текст. В речи находит воплощение вся система рассмотренных средств. Следовательно, реализация посессивной категориальной ситуации в ССЦ основывается на использовании выявленных посессивных элементов, но этим не исчерпывается, так как ССЦ является единицей текстового уровня и в нем работают механизмы более сложные, чем в высказывании, и связанные с особенностями композиции, тематическим устройством, структурным взаимодействием компонентов и др. Выявление разно-

уровневых посессивных единиц и конструкций является лишь отправной точкой в исследовании реализации категории посессивности в сложных синтаксических целых.

Поскольку ССЦ является единицей членения текста (речевой единицей), оно характеризуется наличием ряда системных признаков и представляет собой содержательное (тематическое), структурное и функциональное единство. Первым критерием делимитации чаще всего выступает содержательный – ССЦ является тематически единым.

К структурным свойствам сложного синтаксического целого можно отнести: обязательный состав из двух и более семантически связанных предложений; членение на более мелкие составляющие единицы (предложения); однотипность композиции (зачин – медиальная часть – концовка); наличие межфразовых средств связи.

С точки зрения функционального подхода к делимитации ССЦ, базисная функция ССЦ состоит в концептуальной обработке мысли (ситуации), «доведении» ее до уровня концептуально значимого смысла. ССЦ отражает определенные аспекты единой денотативной ситуации, соотносящиеся, как правило, с ее первичным отражением в зачине.

Во второй главе **«Структурная организация посессивных ССЦ»** рассматривается композиционно-тематическое строение посессивных ССЦ, выявляются модели, допускающие посессивную трактовку, а также модели, не являющиеся посессивными даже при наличии посессивных композиционных элементов. Среди различных видов связей между предложениями определяются наиболее характерные для монологичных и диалогичных посессивных ССЦ. Изучается влияние полифоничности как признака ССЦ на воплощение в нем искомой категориальной ситуации, осмысливаются функции звучащих голосов.

С точки зрения композиции эталонной моделью посессивного ССЦ является такая, где все элементы (зачин, основная часть, концовка) посессивно-положительные, т.е. участвуют в реализации посессивной семантики. ССЦ также признается посессивным, если два из трех элементов посессивные. Непосессивными являются ССЦ, в которых два из трех элементов композиции имеют посессивно-отрицательный статус, за исключением редких ССЦ, в которых основная часть имеет ярко выраженную посес-

сивную направленность, а зачин и концовка – «надпосессивную», т.е. они формулируют тему, которая раскрывается через посессивную ситуацию.

Предупреждаю читателя, что к сочинению этих записок я не имею никакого отношения и достались они мне при весьма странных и печальных обстоятельствах.

Как раз в день самоубийства Сергея Леонтьевича Максудова, которое произошло в Киеве весной прошлого года, я получил посланную самоубийцей заблаговременно толстейшую бандероль и письмо.

В бандероли оказались эти записки, а письмо было удивительного содержания.

Сергей Леонтьевич заявлял, что, уходя из жизни, он дарит мне свои записки с тем, чтобы я, единственный его друг, выправил их, подписал своим именем и выпустил в свет.

Странная, но предсмертная воля!

В течение года я наводил справки о родных или близких Сергея Леонтьевича. Тщетно! Он не солгал в предсмертном письме – никого у него не осталось на этом свете.

И я принимаю подарок. (М. Булгаков. Театральный роман)

Предложение-зачин построено таким образом, что несет в себе модальный оттенок и одновременно называет акт посессии (они [записки] *достались мне*), об обстоятельствах совершения которого идет речь в основной части. Предложение-концовка выделено в отдельный абзац, союз *и* употребляется в характерной для данной позиции присоединительной функции. Посессивная семантика концовки реализуется в типичной трехкомпонентной предикативной конструкции «посессор – посессивный предикат – объект посессии».

Часто композиционная структура посессивных ССЦ является неполной. Мы выяснили, что при отсутствии зачина или концовки (или обоих) характерной является параллельная связь между предложениями. Такой вид связи не исключается и при заполнении всех позиций композиционной модели, но в этом случае параллельная связь соединяет лишь предложения основной части. Самым распространенным видом связи между предложениями посессивных ССЦ является цепная, самым нехарактерным – присоединительная.

Посессивные ССЦ могут включать не только монологические фрагменты, но и диалогические, при условии, что в них соблюдается единство референции и времени, создается лексическая когерентность текста, выявляется коммуникативная перспектива, а также наблюдается наличие у говорящих общих знаний, позволяющих верно интерпретировать следующие друг за другом предложения как элементы структуры более высокого порядка. Диалогические посессивные ССЦ могут строиться на основе как вопросно-ответных единств, так и следующих друг за другом реплик утвердительного характера. Последовательность реплик может быть политематична и в этом случае членится на несколько ССЦ.

– *Хорошо идут лампочки?* – спросил я.

– *Отлично, – охотно пояснил он, – за сегодняшний день **вторая** сумка.*

– *Где вы их достаете?* – неосторожно спросил я.

– *Это тайна фирмы, – с достоинством ответил он.*

– *А еще что-нибудь продаете?* – спросил я.

– *Есть погоны, – ответил он сдержанно.*

– *Какие погоны?* – спросил я как человек, крайне заинтересованный именно этим **товаром**.

Продавец оживился и снова поставил на пол поднятую сумку.

– *Начиная от **майорских** и кончая **генеральскими**, – сказал он. Взглянул на море, добавил: – **Адмиральские** включительно...*

Он наклонился к сумке, но тут я его остановил.

– ***Погоны** пока **не надо**, – сказал я, как бы передумав, как бы сам подчиняясь логике тайного замысла, – **оружие есть?***

Он выпрямился и посмотрел на меня надменным взглядом. Губы его зашевелились в негодующем монологе с выключенным звуком. В мире нет более комического зрелища, чем выражение надменности на лице, подсушенном алкоголем.

– *Вы бы спросили **наркотики**, – наконец прошипел он, **подхватывая сумку, – нелегальщину не держим!** (Ф. Искандер. Человек и его окрестности)*

Референциальное единство заключается в том, что в разных репликах героев и словах автора используются одинаковые именованья или их местоименные заменители, соотносящиеся с одним и тем же предметом (группой предметов) рассматриваемой действи-

тельности: *лампочки, их; погоны* – трижды; *сумка* – четырежды; *он* – девять раз, плюс *продавец* для того же референта; *я* – шесть раз. Лексическое единство фрагмента также непосредственно связано с набором перечисленных выше средств.

Каждое вопросительное предложение задает новую тему, а последующее повествовательное – заключает в себе рему, что создает коммуникативную перспективу.

Темпоральное единство базируется на соответствии видо-временных форм глаголов. В репликах диалога они употребляются в форме настоящего времени несовершенного вида, так как соотносятся с непрерывным действием или процессом, происходящим в действительности. В репликах автора также присутствует единообразие глагольных форм – прошедшее время, совершенный вид как отношение времени диалога к моменту речи.

Единство точки зрения (когерентность текста на коммуникативно-прагматическом уровне) в данном фрагменте обеспечивается наличием посессивной категориальной ситуации, объединяющей отдельные реплики воедино. Оба персонажа отдают себе отчет в том, что действуют в потенциальной ситуации купли-продажи, что позволяет им понимать намерения друг друга и делает диалог осмысленным.

Посессивные ССЦ могут быть как моно-, так и полифоничными. Для полноценного представления ситуации они способны задействовать все известные средства введения чужой речи (косвенная речь, несобственно-прямая речь, полупрямая речь, прямая речь, различные сочетания монолога и диалога).

Не каждый звучащий в ССЦ голос играет непосредственную роль в репрезентации посессивной ситуации, однако каждый посессивно-положительный голос выполняет как минимум одну из трех функций: 1) интродукция посессивной ситуации, т.е. ее представление, формулировка темы; 2) интродукция участников посессивной ситуации, т.е. введение субъектов и объектов посессии, которые могут быть как единичными, так и множественными; 3) кондукция посессивной ситуации, т.е. проведение (сопровождение) обозначенной темы через все ССЦ. Эти функции определяют роль каждого голоса в репрезентации посессивной ситуации в рамках конкретного ССЦ.

В главе третьей «Содержательная характеристика посессивных ССЦ» анализируется онтологическая природа реализуемой в них категориальной ситуации; рассматриваются семантические группы посессивных ситуаций, получающие регулярное воплощение в ССЦ; выявляются наиболее значимые языковые элементы, обеспечивающие тематическую целостность посессивных ССЦ.

Анализ показал, что в посессивном ССЦ раскрывается не единичное посессивное значение или набор значений, а цельная категориальная ситуация (КС) посессивности одного из четырех типов:

1) денотативно-посессивная: имеет посессивную природу на денотативном уровне, т.е. является репрезентацией посессивного события, имевшего место в действительности (реальной или виртуальной);

2) сигнификативно-посессивная: интерпретируется как посессивная благодаря избранным языковым средствам, однако описывает непосессивное событие;

3) презумптивно-посессивная: актуализируется в ССЦ в виде небольшого фрагмента, играет важную роль для корректного понимания всего ССЦ, основывается на прагматической или контекстуальной презумпции;

4) комитативно-посессивная: выполняет сопроводительную роль для главной ситуации, пронизывает все ССЦ, основывается на фоновых знаниях участников коммуникации об описываемом фрагменте действительности, включающий посессивный компонент.

КС типа 1 и 2 находятся в коммуникативном фокусе ССЦ.

А когда уезжал этот немец, то много чего оставил хозяевам. Цельный ворох заграничного добра. Разные пузырьки, воротнички, коробочки. Кроме того, почти две пары кальсонов. И свитер почти не рваный. А мелочей разных и не счесть – и для мужского и для дамского обихода.

Все это в кучу было свалено в углу, у рукомошника.

Хозяйка, мадам Гусева, дама честная, ничего про нее такого не скажешь, намекнула немчику перед самым его отъездом, – дескать, битте-дритте, не впопыхах ли изволили заграничную продукцию оставить.

Немчик головой лягнул, дескать, битте-дритте, пожалуйста, заберите, об чем разговор, жалко, что ли.

Тут хозяева налегли на оставленную продукцию. Сам Гусев даже подробный список вещам составил. И уж, конечно дело, сразу свитер на себя напялил и кальсоны взял. (М. Зощенко. Качество продукции)

ССЦ воплощает динамическую посессивную ситуацию «немец оставляет хозяевам заграничную продукцию». Она интерпретируется как посессивная благодаря системному использованию посессивных языковых элементов. Организующую роль играют глаголы *оставить, забирать, взять*. Многочисленны номинации объектов посессии (*пузырьки, воротнички, коробочки, кальсоны, свитер*), имеются также их обобщающие именованья (*ворох добра, продукция*) и местоименная замена (*это все*). Посессор 1 последовательно называется *немец, немчик*, посессор 2 обобщенно – *хозяева* (разделяется на *хозяйка, мадам Гусева и сам Гусев*). Рассмотренная категориальная ситуация является посессивной на денотативном уровне, поскольку за ней стоит действительное посессивное событие.

«Прошлое окончательно и неотменимо, но власти над будущим не имеет», – говорила она в таких случаях. И вдруг оказалось, что ее неотменимое прошлое имеет какую-то власть над ней. (Л. Улицкая. Веселые похороны)

ССЦ интерпретируется как посессивное благодаря двукратному использованию статического посессивного глагола *иметь*. Однако непредметная семантика имен в позиции субъекта и объекта посессии (*прошлое, власть*) говорит о символическом (а не физическом) характере обладания.

Представляется невозможным материализовать посессивную ситуацию, стоящую за данным ССЦ, поскольку категориальная ситуация является посессивной только на сигнификативном (интерпретативном) уровне. Имеет смысл говорить о переносном употреблении глагола *иметь*, хотя такой перенос и закреплен в узусе. В рассматриваемом ССЦ символическими средствами воплощается ситуация: «прошлое властвует над ней» или «прошлое влияет на нее».

КС типа 3 и 4 в коммуникативный фокус ССЦ не попадают.

Посессивная категориальная ситуация как понятие абстрактное воплощается во множестве конкретных посессивных ситуаций. Различия между ними могут быть более или менее принци-

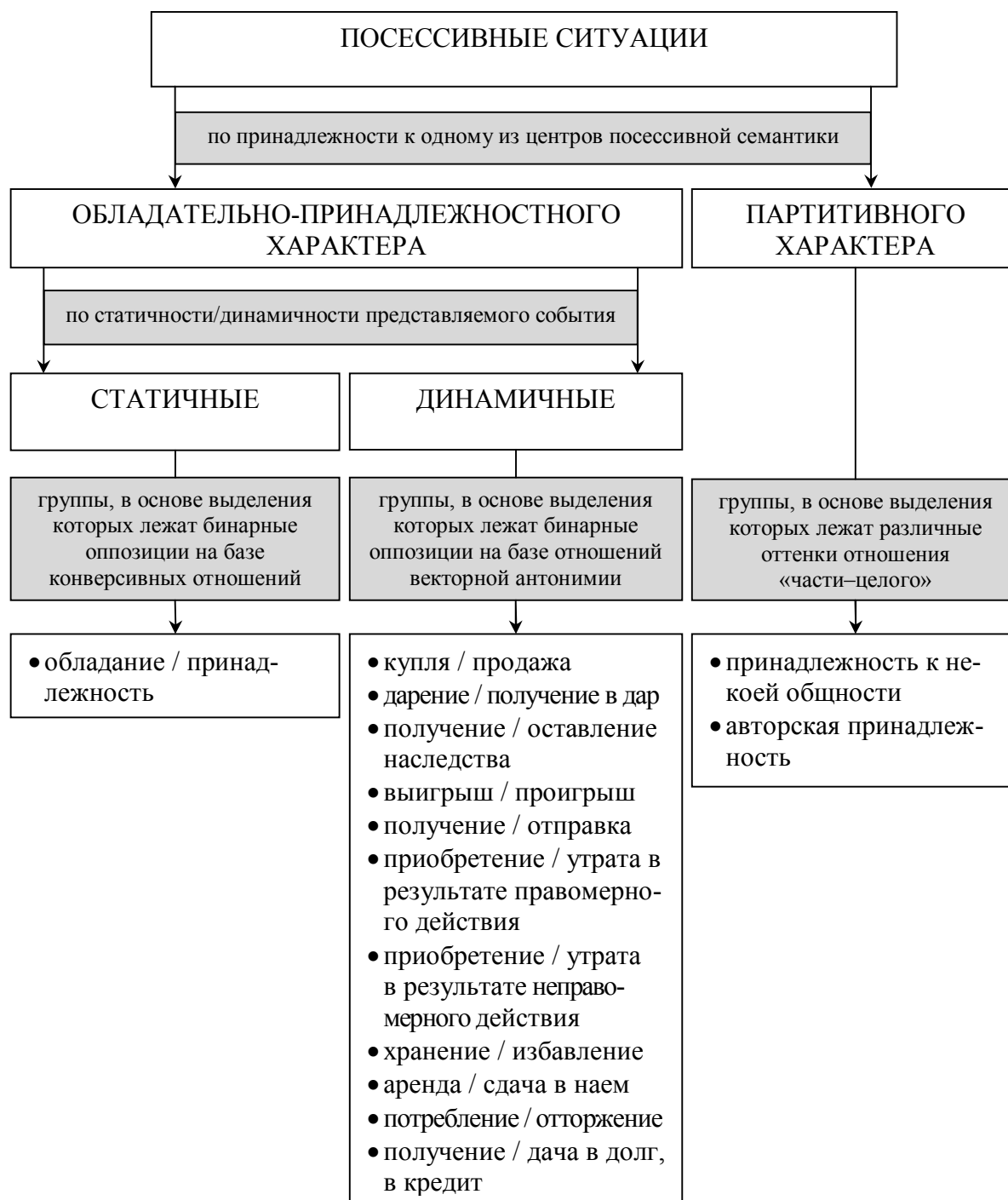
пиальными. Мы выявили пятнадцать семантических групп посессивных ситуаций, реализующихся в ССЦ. Этот набор не исчерпывает всего разнообразия вариантов, однако представляет основные разновидности, в количественном аспекте на порядок превосходящие иные возможные.

Разработанная классификация основана на нескольких критериях. Первый шаг разграничения проводится по признаку принадлежности к владельечно-принадлежностному (ОПЦ) или партитивному (ПЦ) центру (различие между центрами изложено в Главе 1). Это разделение не формально и имеет семантико-функциональную основу.

Семантические группы посессивных ситуаций, которые относятся к ОПЦ, строятся на основании бинарных оппозиций, а группы ПЦ – нет. Причина этого кроется в сути различия между самими центрами. Отторжимость объекта посессии предполагает, что тот может как «приходить» в область посессии субъекта, так и «уходить» из нее. Следовательно, здесь имеют место отношения векторной антонимии, которые и лежат в основе большинства выявленных нами оппозиций. Ситуации этого класса отражают динамический аспект посессивности. Другое свойство ОПЦ – возможность интерпретировать ситуацию с точки зрения различных ее участников. Так, представление с позиции субъекта посессии будет обладанием, а с позиции объекта – принадлежностью. Налицо конверсивные отношения, рождающие другую оппозицию. Ситуации этого класса отражают статический аспект посессивности. Антонимия или конверсия как основание противопоставления обуславливают следующий шаг разделения в рамках нашей классификации. На завершающем этапе выделяются семантические группы посессивных ситуаций. В основе каждой лежит совокупность однородных посессивных событий.

Поскольку для партитивных ситуаций интерпретация и отторжение объекта невозможны, этот шаг в «ветке» ПЦ пропускается и происходит переход непосредственно к выделению групп ситуаций, реализующих оттенки отношения «часть–целое».

Классификация посессивных ситуаций, реализующихся в ССЦ

В основе посессивной ситуации, раскрывающейся в ССЦ, может лежать объективное посессивное событие либо субъективное мнение, суждение, сообщение об этом событии, в соответствии с чем посессивные ССЦ разделяются на объективно-посессивные и субъективно-посессивные. Для последних реле-

вантной является позиция говорящего. Поскольку ССЦ – единица полифоничная, таких субъективных позиций может быть несколько. В отдельных случаях объективно-посессивные фрагменты могут сочетаться с субъективными в рамках одного ССЦ.

Рассмотрим одну из семантических групп посессивных ССЦ в соответствии с единой для всех групп схемой: наименование; типичные предикаты; пример объективно-посессивного ССЦ искомой семантики, его краткий анализ; пример субъективно-посессивного ССЦ, его краткий анализ.

I. Дарение / получение в дар.

II. Основные предикаты: дарить (и производные), получать (в подарок).

III. *А позавчера ребята из Йошкар-Олы подарили мне стеганое одеяло. С одной стороны оно еще и лоскутное, и среди цветных лоскутов вишиты отпечатанные на ткани фотографии из моих спектаклей. Это замечательный, красивый и функциональный подарок, хорошего вкуса и качества. Очень я был тронут. И уже им воспользовался.* (Е. Гришковец. Год жизни)

Атомарная ситуация: *Ребята подарили мне одеяло.* Главный предикат – *подарили*. Здесь от посессивного глагола образуется существительное, служащее в дальнейшем для наименования предмета посессии. По всем признакам ССЦ – объективно-посессивное.

IV. *Никто из домашних не умел лучше его придумать каждому подарок по вкусу, и потому в затруднительных случаях старшие дети прибегали к его изобретательности.*

– Папа, ну что мы подарим Коле Радомскому? – спрашивали Аркадия Николаевича дочери. – Он большой такой, гимназист последнего класса... *нельзя же ему игрушку...*

– *Зачем же игрушку?* – возражал Аркадий Николаевич. – *Самое лучшее купите для него хорошенький портсигар. Юноша будет польщен таким солидным подарком. Теперь очень хорошенькие портсигары продаются у Лукутина. Да, кстати, намяните этому Коле, чтобы он не стеснялся при мне курить. А то давеча, когда я вошел в гостиную, так он папироску в рукав спрятал...* (А. Куприн. Чудесный доктор)

Атомарная ситуация: *Папа считает, что Коле Радомскому нужно подарить портсигар*. Глагол со значением суждения *считает*, выведенный нами как основной в атомарной ситуации, не находит прямого применения в ССЦ по той причине, что оно выстроено в виде диалога, и реплики героев вводятся автором в качестве вопроса и ответа. Центральный посессивный глагол в данном субъективно-посессивном ССЦ – *подарить*. Как и в предыдущем примере, здесь для именованного объекта посессии используется отглагольное существительное *подарок*. Характерная для данной группы ССЦ трансформация.

Анализ показал, что на уровне ССЦ обладательно-принадлежностный центр посессивной семантики представлен намного шире партитивного. Подавляющее большинство групп выявляется на базе бинарных оппозиций, основанных на отношении векторной антонимии.

В основе определения каждой выявленной семантической группы лежит совокупность однородных посессивных событий. Эти события могут воплощаться в ССЦ непосредственно либо становятся отправной точкой для формирования суждения или мнения о них.

Все средства выражения посессивного значения разделяются на предикативные и атрибутивные. В ходе исследования мы выяснили, что в организации посессивной ситуации в ССЦ предикативные средства играют наиболее значительную роль. Без посессивных предикатов не существует посессивных единств. Именно они обеспечивают структурную связность и тематическую цельность таких ССЦ. Создавая каркас описываемой ситуации, посессивные глаголы могут выступать:

1) в качестве репрезентантов различных фаз посессивного события;

2) для неоднократного именованного одного и того же посессивного действия на протяжении всего ССЦ (в этом случае семантика глагола отражает микротему ССЦ);

3) для отображения противоположно направленных посессивных действий, на базе которых организуется воссоздаваемая в ССЦ посессивная ситуация.

Второстепенную (но все же различимую) роль в организации тематической целостности ССЦ играют имена объектов посессии. Из них наиболее важны отглагольные существительные в позиции объекта обладания, а также наименования денежных единиц. В посессивных ССЦ практически не заметна роль имен субъектов посессии.

Исследование различных аспектов реализации посессивной ситуации в ССЦ дает возможность сформулировать признаки эталонного посессивного ССЦ:

- 1) описывает денотативно-посессивную ситуацию;
- 2) обладает полной композиционной структурой, каждый элемент которой (зачин, основная часть, концовка) – посессивно-положительный;
- 3) является объективно-посессивным.

Степень частотности таких ССЦ невелика, поскольку идеальные модели достаточно редко реализуются в речи в чистом виде. Однако в тексте диссертации все же имеются примеры эталонных посессивных ССЦ.

По степени аутентичности посессивные ССЦ находятся в градационных отношениях, в основе которых лежит реализация трех признаков, явствующих из определения эталона: природа категориальной ситуации; объективность/субъективность отражения лежащего в основе посессивного события; посессивный статус элементов композиционной структуры.

В посессивных ССЦ первого порядка воплощаются денотативно- и сигнификативно-посессивные ситуации. Все композиционные компоненты ССЦ являются посессивно-положительными, т.е. участвуют в реализации посессивной семантики. Допустим посессивно-отрицательный статус либо зачина, либо концовки в случае, если один из них является модальным или имеет обобщающую направленность. В основе посессивной ситуации лежит объективное посессивное событие, точка зрения участника (или участников) коммуникации не является релевантной.

Названные позиции для каждого из признаков посессивного ССЦ мы признаем сильными и принимаем за отправную точку при проведении дальнейшей градации. Любое отклонение в сто-

рону ослабления семантики посессивности приводит к понижению порядка рассматриваемого ССЦ до второго или третьего в зависимости от степени этого ослабления, даже если оно затрагивает только один из трех признаков.

Так, аутентичность посессивных ССЦ второго порядка ослабляется за счет воплощения презумптивно- и комитативно-посессивных ситуации. Такие ССЦ могут быть структурно ослаблены, если между посессивно-положительными зачином и концовкой заключена посессивно-отрицательная основная часть. В этом случае ситуация посессии является целью, но раскрывается при помощи непосессивных средств. С диаметрально противоположным явлением сталкиваемся, когда посессивно-положительная основная часть обрамляется посессивно-отрицательными зачином и концовкой, т.е. иная цель раскрывается через посессию. К этому же порядку относятся структуры с отсутствующими элементами, при условии, что имеющиеся последовательно проводят линию посессивности. Усиление значимости позиции говорящего в ССЦ также приводит к ослаблению подлинно посессивной семантики. В этом случае приводится лишь субъективное мнение, суждение, сообщение о посессивном событии, а не репрезентация его самого.

Посессивные ССЦ третьего порядка балансируют на грани между посессивными и непосессивными единствами и характеризуются самым низким уровнем аутентичности. Они могут воплощать денотативно-посессивную ситуацию, интерпретированную при помощи непосессивных средств (ее уместно будет назвать квазипосессивной). Наиболее посессивно слабыми являются композиционные модели, в которых только начальный или конечный элемент является посессивно-положительным. В большинстве случаев такой его статус является окказиональным либо речь может идти о сигнификативно-посессивном зачине, который не поддерживается посессивной концовкой. Дальнейшее ослабление по линии третьего признака невозможно, поэтому он может соответствовать любому из двух представленных ранее вариантов.

В **Заключении** подводятся итоги работы, формулируются основные выводы, а также намечаются перспективы дальнейших исследований в данной области. Высокая частотность проявления семантики посессивности в одиночных предложениях и в ССЦ, а

также большое разнообразие способов ее воплощения открывают, на наш взгляд, путь к возможному ее рассмотрению на уровне текста.

Основное содержание диссертации отражено в следующих публикациях:

1. Короткова А.В. Семантика посессивности и ее реализация в сложном синтаксическом целом // Вестник Волгоградского государственного университета. – Серия 2. Языкознание. – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2010. – № 1 (11). – 241 с. – С. 162–166. – [Статья. – 0,4 п.л.]. – *(Издание из перечня ВАК РФ)*.

2. Лаврик Э.П., Короткова А.В. Структурно-семантические типы сложных синтаксических целых с посессивным значением // Вестник Ставропольского государственного университета. – Ставрополь: Изд-во СГУ, 2010. – № 67 (2). – 235 с. – С. 115–120. – [Статья. – 0,5 п.л.; лично автора – 0,25]. – *(Издание из перечня ВАК РФ)*.

3. Короткова А.В. О семантической категории посессивности и ее субкатегориях // Филология, журналистика, культурология в парадигме современного научного знания: материалы 52-й научно-метод. конф. преподавателей и студентов «Университетская наука – региону». – Ч. V. – Ставрополь: Ставропольское кн. изд-во, 2007. – 444 с. – С. 178–183. – [Статья. – 0,2 п.л.].

4. Короткова А.В. О принадлежности комитативных и квалитативных конструкций к периферии поля посессивности // Филологические этюды: сб. науч. ст. молодых ученых. – Вып. 11. – Ч. III. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2008. – 288 с. – С. 21–24. – [Статья. – 0,2 п.л.].

5. Короткова А.В. Синтаксическая изофункциональность в посессивных конструкциях // Системные отношения в языке: материалы Интернет-конференции (20 мая – 20 июня 2007 года), посвященной 80-летию со дня рождения доктора филологических наук профессора Юрия Ивановича Леденева. – Ставрополь: ГОУВПО «СевКавГТУ», 2008. – 157 с. – С. 130–133. – [Статья. – 0,3 п.л.].

6. Короткова А.В. Глагол «иметь» в системе средств выражения посессивности // Acta Linguistica: Journal of Contemporary Language Studies. – Vol. 2. – Sofia: Eurasia Academic Publishers. – № 1 (2008). – 106 с. – С. 11–16. – [Статья. – 0,3 п.л.].

7. Короткова А.В. Генитив в системе средств выражения посессивности // Материалы докладов XV Международной конф. студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов» / отв. ред. И.А. Алешковский, П.Н. Костылев, А.И. Андреев. [Электронный ресурс]. – М.: Издательство МГУ; СП МЫСЛЬ, 2008. – 1 CD-ROM. – [Тезисы. – 0,15 п.л.].

8. Короткова А.В. Субъект и объект посессивности и их характеристика с точки зрения референции // Филология, журналистика, культурология в парадигме современного научного знания: материалы 53-й научно-метод. конф. преподавателей и студентов «Университетская наука – региону». – Ставрополь: Изд-во СГУ, 2008. – 508 с. – С. 248–254. – [Статья. – 0,4 п.л.].

9. Короткова А.В. О взаимосвязи категорий экзистенциальности, посессивности и локативности // Система ценностей современного общества: сборник материалов V Всероссийской научно-практ. конф. / под общ. ред. С.С. Чернова. – Ч. 1. – Новосибирск: ЦРНС – Изд-во «СИБПРИНТ», 2009. – 164 с. – С. 119–124. – [Статья. – 0,3 п.л.].

10. Короткова А.В. О реализации посессивной семантики на словообразовательном уровне русского языка // Новые направления в изучении лексикологии, словообразования и грамматики начала XXI века: материалы международного симпозиума, 4–5 мая 2009 года, Самара. – Самара: Изд-во Поволжской государственной социально-гуманитарной академии, 2009. – 300 с. – С. 133–135. – [Статья. – 0,2 п.л.].

11. Короткова А.В. Глагол «быть» как средство выражения посессивной семантики // Филология, журналистика, культурология в парадигме современного научного знания: материалы 54-й научно-метод. конф. преподавателей и студентов «Университетская наука – региону». – Ставрополь: Альфа Принт, 2009. – 418 с. – С. 91–94. – [Статья. – 0,3 п.л.].

12. Короткова А.В. О фазовой принадлежности некоторых глаголов донативного действия // Материалы Международной Интернет-конференции «Славянская филология: инновации и традиции» [Электронный ресурс] // conf.stavsu.ru: сервер конференций СГУ. – 2009. URL: [http://conf.stavsu.ru/conf.asp? ReportId=867](http://conf.stavsu.ru/conf.asp?ReportId=867) (дата обращения: 01.07.2009). – [Статья. – 0,3 п.л.].

13. Короткова А.В. О природе посессивной категориальной ситуации в сложном синтаксическом целом // Филология, журналистика и культурология в парадигме социогуманитарного знания: материалы 55-ой научно-метод. конф. преподавателей и студентов «Университетская наука – региону». – Ставрополь: Изд-во СГУ, 2010. – Часть I. – 286 с. – С. 257–263. – [Статья. – 0,3 п.л.].

14. Короткова А.В. Любовь как посессивная метафора // Русский язык: исторические судьбы и современность: IV Международный конгресс исследователей русского языка (Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова, филологический факультет, 20–23 марта 2010 г.): труды и материалы / сост. М.Л. Ремнева, А.А. Поликарпов. – М.: Изд-во Моск. ун-та. – 894 с. – С. 253–254. – [Тезисы. – 0,15 п.л.].

15. Короткова А.В. Об образовании сложных синтаксических целых с посессивным значением в русском и английском языках // Материалы Международного молодежного научного форума «ЛОМОНОСОВ-2010» / отв. ред. И.А. Алешковский, П.Н. Костылев, А.И. Андреев, А.В. Андриянов. [Электронный ресурс]. – М.: МАКС Пресс, 2010. – 1 CD-ROM. – [Тезисы. – 0,15 п.л.].

16. Короткова А.В. Семантические группы посессивных ситуаций в сложных синтаксических целых // Материалы Всероссийской Интернет-конференции «Язык. Речь. Дискурс» [Электронный ресурс] // conf.stavsu.ru: сервер конференций СГУ. – 2011. URL: <http://conf.stavsu.ru/conf.asp?ReportId=1439> (дата обращения: 25.04.2011). – [Статья. – 0,9 п.л.].

17. Короткова А.В. Композиционно-тематическое строение посессивных ССЦ // Филология, журналистика и культурология в парадигме социогуманитарного знания: материалы 56-ой научно-метод. конф. преподавателей и студентов «Университетская наука – региону». – Ставрополь: Изд-во СГУ, 2011. – 315 с. – С. 271–276. – [Статья. – 0,3 п.л.].

18. Короткова А.В. О соотношении монолога и диалога в посессивных сложных синтаксических целых // Актуальные проблемы русского языка и методики его преподавания: традиции и инновации: сборник статей XIII Всероссийской научно-практ. конф. молодых ученых. Москва, РУДН, 21–23 апреля 2011 г. – М.: РУДН, 2011. – 317 с. – С. 204–208. – [Статья. – 0,3 п.л.].

	Подписано в печать 22.07.11	
Формат 60×84 1/16	Усл.печ.л. 1,51	Уч.-изд.л. 1,14
Бумага офсетная	Тираж 120 экз.	Заказ 576

Отпечатано в Издательско-полиграфическом комплексе
Ставропольского государственного университета.
355009, Ставрополь, ул. Пушкина, 1.